

Лето подходило к концу, и Лю Чансин наконец был отпущен отцом. Вместе с Черной Обезьяной он отправился к Лю Сычэню.

— Дедушка, мы пришли за Сычэнем, — с уважением обратился Лю Чансин к дедушке Лю.

Его мать пару лет назад поскользнулась на снегу и сломала руку. Дедушка Лю вылечил её, а затем продолжал лечение в течение полугода. Рука мамы восстановилась полностью, без каких-либо последствий. В то время в деревне ещё питались из общего котла, и его отец не решался брать заказы на столярные работы. Их семья была бедной, и дедушка Лю в итоге взял с них только корзину бобов, что даже не покрывало стоимость трав. Лю Чансин всегда помнил эту доброту и с глубоким уважением относился не только к дедушке Лю, но и к Лю Сычэню.

— Сычэнь в комнате пишет иероглифы, заходите к нему, — улыбаясь, ответил дедушка Лю, перебирая травы. — Малыш так усердно учился, что пора бы и отдохнуть.

Лю Чансин с Черной Обезьяной зашли в дом и увидели, что Сычэнь действительно сосредоточенно склонился над столом, выводя иероглифы.

— Не ожидал, что Сычэнь действительно изменился, — с улыбкой произнёс Лю Чансин. — Несколько дней назад он ещё кричал, что хочет есть улиток, и весь посёлок не мог успокоиться. А теперь вот уже несколько дней сидит за столом и пишет, заставляя нас удивляться.

Слова Лю Чансина звучали слегка иронично, и Лю Сычэнь сразу понял, что его дразнят. Он бросил кисть и бросился на Лю Чансина, но тот схватил его и вытащил на улицу.

— Дедушка!

Увидев дедушку у двери, Лю Сычэнь на мгновение замялся, чувствуя неловкость. Ведь это он хвастался, что будет усердно учиться, а теперь сам же хотел пойти играть.

— Иди, поиграй, отдохни. Нужно сочетать труд и отдых, — кивнул дедушка Лю.

Трое друзей тут же выбежали на улицу, и ещё долго было слышно, как Лю Сычэнь обещал:

— Дедушка, я скоро вернусь!

— Пойдём ловить улиток, Чансин-гэ, я хочу их есть, — Лю Сычэнь пристал к Лю Чансину, а Черная Обезьяна, облизываясь, поддержал его.

Лю Чансин немного подержал их в напряжении, а затем махнул рукой:

— Ладно, Черная Обезьяна, позови Сяолия и А-Хуа, а я возьму Сычэня и найдём палки.

— Эй, Чансин-гэ, а как тот парень из тёткиной семьи? Почему о нём ничего не слышно? — спросил Лю Сычэнь.

Хотя он сам не выходил играть две недели, Черная Обезьяна приходил к нему и рассказывал обо всём, что происходило в деревне.

— Он? Его зовут Гу Яо, он молчун. Ты же знаешь характер моей тётки, ему сейчас приходится нелегко, — равнодушно ответил Лю Чансин.

— Что случилось? В тот день, когда он приехал, тётка улыбалась, как цветок, а теперь

невзлюбила его? — удивился Лю Сычэнь.

— Он привёз три больших ящика. Тётка взяла деньги от его семьи и надеялась получить ещё что-то, но в ящиках оказались только книги. Ничего полезного она не нашла, и её характер с каждым днём становится всё хуже, — объяснил Лю Чансин, срезая несколько тонких бамбуковых палок для ловли улиток.

Лю Сычэнь слегка удивился. Он думал, что это был высокомерный городской парень, который смотрел свысока на деревенских, но оказалось, что он просто оказался в бедственном положении, имея лишь три ящика книг.

Но Лю Сычэнь не стал сдаваться и буркнул:

— Так ему и надо! С его кислой физиономией, он сам напросился на неприятности!

Лю Чансин засмеялся. Этот мальчишка с детства был избалован, и все относились к нему снисходительно из уважения к его бабушке и родителям. Ещё он не сталкивался с таким пренебрежением, и его обида копилась уже давно.

— Ты чему смеёшься? Я не прав? Его зовут Гу Яо, а он ведёт себя, как будто он кирпич, — Лю Сычэнь посмотрел на Лю Чансина, который смеялся всё громче, и вдруг резко обернулся.

Прямо за ним стоял парень в чёрной одежде, с сжатыми губами и нахмуренным взглядом. Его глаза, похожие на цветы персика, были холодны, и в них читалась едва заметная презренность.

Лю Сычэнь онемел от страха, чувствуя, как его лицо заливается краской. Как же стыдно! Он так громко говорил гадости за спиной, а теперь его ещё и поймали на месте. Лю Сычэнь покраснел до корней волос, сжав в руках подол своей одежды. В порыве ярости он выпалил:

— Чего уставился? Никогда не видел такого милашка?!

С этими словами он схватил всё ещё смеющегося Лю Чансина и убежал.

Парень в чёрном остался стоять на месте. Через некоторое время холод в его глазах растаял, и на лице появилась лёгкая улыбка, которая сразу сделала его лицо живым и привлекательным. Он слегка покачал головой и, опираясь на бамбуковую палку, ушёл.

Лю Сычэнь всю дорогу выслушивал насмешки Лю Чансина и злился, чувствуя, как он становится всё более ребячливым. Но вскоре радость от ловли улиток заглушила его смущение. Он прыгал вверх и вниз, с нетерпением наблюдая, как Лю Чансин и Чёрная Обезьяна ловко взбираются на деревья.

Пятеро детей поймали более двадцати чёрных улиток. Лю Чансин нанизал их на бамбуковые палочки, дома взял горсть деревянных опилок, которые его отец собирал для работы, а Чёрная Обезьяна с Лю Сычэнем и другими детьми собрали сухие ветки. Они отправились к реке, где под большим деревом развели костёр и начали жарить улиток.

Когда улитки попали на огонь, они сразу же начали шипеть, и вскоре запах жареного мяса наполнил воздух. Дети с жадностью смотрели на еду, и Лю Сычэнь сглотнул слюну. В то время мясо было редким удовольствием, и он прекрасно понимал, как это ценно. Пусть даже это были всего лишь улитки, но всё же мясо!

По команде Лю Чансина дети с радостью принялись есть, не боясь обжечься. Лю Сычэнь съел

пять улиток и с сожалением вздохнул. Лю Чансин, увидев его грустное выражение лица, слегка хлопнул его по плечу.

— О чём вздыхаешь?

— Чансин-гэ, когда же у нас будет столько мяса, что мы не сможем его съесть? — с горящими глазами спросил Лю Сычэнь, вспоминая, как в прошлой жизни он мог есть мясо в любое время.

— Сейчас бы есть что-то, лишь бы не голодать, а ты мечтаешь о мясе! — Лю Чансин, выросший в 70-х годах, не мог понять таких мечтаний.

— Верно, жадный Сычэнь, — тут же поддержал Черная Обезьяна.

— Верно, верно, — подхватили Сяолинь и А-Хуа.

Сяолинь был младшим братом Лю Чансина, на год старше Лю Сычэня, но совсем не таким сообразительным. Он был ещё несмышлёным малышом, который любил следовать за своим старшим братом. А-Хуа тоже был мальчиком, но бабушка дала ему девичье имя, чтобы обмануть злых духов. Ему было столько же лет, сколько и Черной Обезьяне, и они были лучшими друзьями.

Лю Сычэнь не обращал внимания на критику друзей. Он затушил костёр водой из ручья и отправился домой.

По пути он свернул в лес. В последние дни он находился под присмотром дедушки и не мог использовать свою «способность».

Оглядевшись и убедившись, что никого нет, он мысленно произнёс заклинание, и в следующее мгновение оказался в красивом сельском пейзаже.

Лю Сычэнь сразу побежал в деревянный дом. Он хотел понять, что это за «способность». Если это телепортация, почему он может перемещаться только сюда? Он также заметил, что здесь нет пения птиц и насекомых, и он никогда не видел солнца. Хотя свет был ярким и менялся в зависимости от времени суток, самого солнца не было видно. Возможно, оно скрыто за облаками.

Возле книжного шкафа стояла деревянная лестница. Лю Сычэнь с трудом передвинул её и начал подниматься по полкам, надеясь найти какие-то подсказки.

Добравшись до верхнего яруса, он заметил, что в углу нет книг, а стоит металлическая коробка. Она была тяжёлой, и Лю Сычэнь с трудом спустил её вниз. Коробка была заперта, а на замке был выгравирован неправильный узор. Лю Сычэнь провёл пальцем по углублению, и его сердце забило быстрее.

Он снял с шеи подвеску, которая всегда висела у него на груди. Она была тёплой от его тела. Лю Сычэнь положил подвеску в углубление на коробке.